

Римский форт на границе Ольвийского государства

О времени первого появления римских войск в степном Побужье известно немного. Предположения, основанные на немногочисленных находках этого периода, эпизодически обнаруженных на территории Ольвии и некоторых памятниках ее хоры, не позволяли убедительно датировать проникновение подразделений римской армии в просторы Борисфена и определить их численный состав. Тем самым тема взаимоотношений и первых контактов Ольвийского государства с Римской империей была и остается актуальной, в особенности исходя из географического расположения полиса и его непосредственного соседства с нестабильным миром кочевых племен.

В 2011 г. в ходе визуальной археологической разведки, проведенной в центральной части ольвийской периферии, у с. Каменка Очаковского района было открыто укрепление римского времени, которое по результатам визуального осмотра и разведочных раскопок можно интерпретировать как римский военный лагерь (*castellum*).

Объект площадью 7 га с четырех сторон обнесен валом, шириной 10–15 м, который из-за многолетней вспашки сильно расплылся, и рвом (рис. 1: 2). В плане укрепление прямоугольной формы (260 × 270 м), вытянуто по оси СЗ-ЮВ, в северо-западной части оборонительной линии имеется разрыв шириной 10–12 м. Внутри лагеря, практически по центру, имеются два дополнительных укрепления, размерами 65 × 65 м, которые по отдельности идентичны римскому военному лагерю Дидова Хата III [1, с. 67–68].

В 2012 г. было заложено три траншеи, которые разрезали фортификации внешней оборонительной линии, западного и восточного внутренних укреплений крепости.

Ров восточного внутреннего укрепления имеет глубину 2,60 м от уровня материка. Ширина рва по верху — 6,50 м, по низу — 2 м. Северная стенка рва, обращенная внутрь, довольно крутая, с углом подъема около 50° (рис. 2: 2). В заполнении были найдены кости животных, а с глубины 1,90 м — много фрагментов красноглиняных и светлоглиняных амфор I ст. по Р. Х. (рис. 1: 7–10): тип А-В по Шелову [2, с. 17–18], тип 2 по Буракову [3, с. 67–68], С III, С IV_A по Внукову [4, с. 109–111, 118–128], подгруппа Б, тип 7 по Крапивинной [5, с. 95]. Следует также отметить, что разрез рва восточного внутреннего укрепления имеет схожесть со рвом восточной части городища Скельки [1, с. 70–71].

Форма рва западного внутреннего укрепления несколько отличается от восточного — он имеет трапециевидную форму и, с внутренней стороны, три приступка (рис. 2: 3). Стенки обрывистые, под углом 60°. Ширина рва по

Карта Нижнего Побужья первых веков по Р.Хр. с лимесной структурой укреплений
1 - Днепровское II; 2 - Петуховка II; 3 - Очаков; 4 - Мыс; 5 - Чертоватое; 6 - Козырка I; 7 - Старая Богдановка I;
8 - Радсад; 9 - Дидова Хата III; 10 - Попова Балка; 11 - Сиверсов Маяк; 12 - Семенов Рог; 13 - Скелька;
14 - Станислав; 15 - Золотой Мыс; 16 - Островка; 17 - Каменка; 18 - Старофлотские казармы

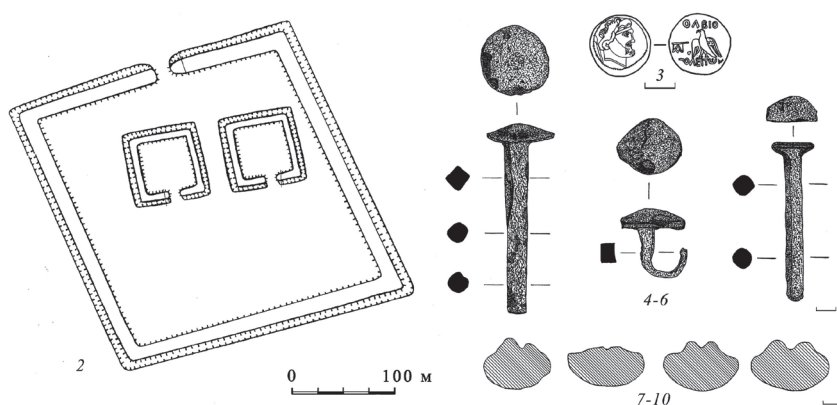

Рис. 1. Месторасположение, план и артефакты из римского укрепления

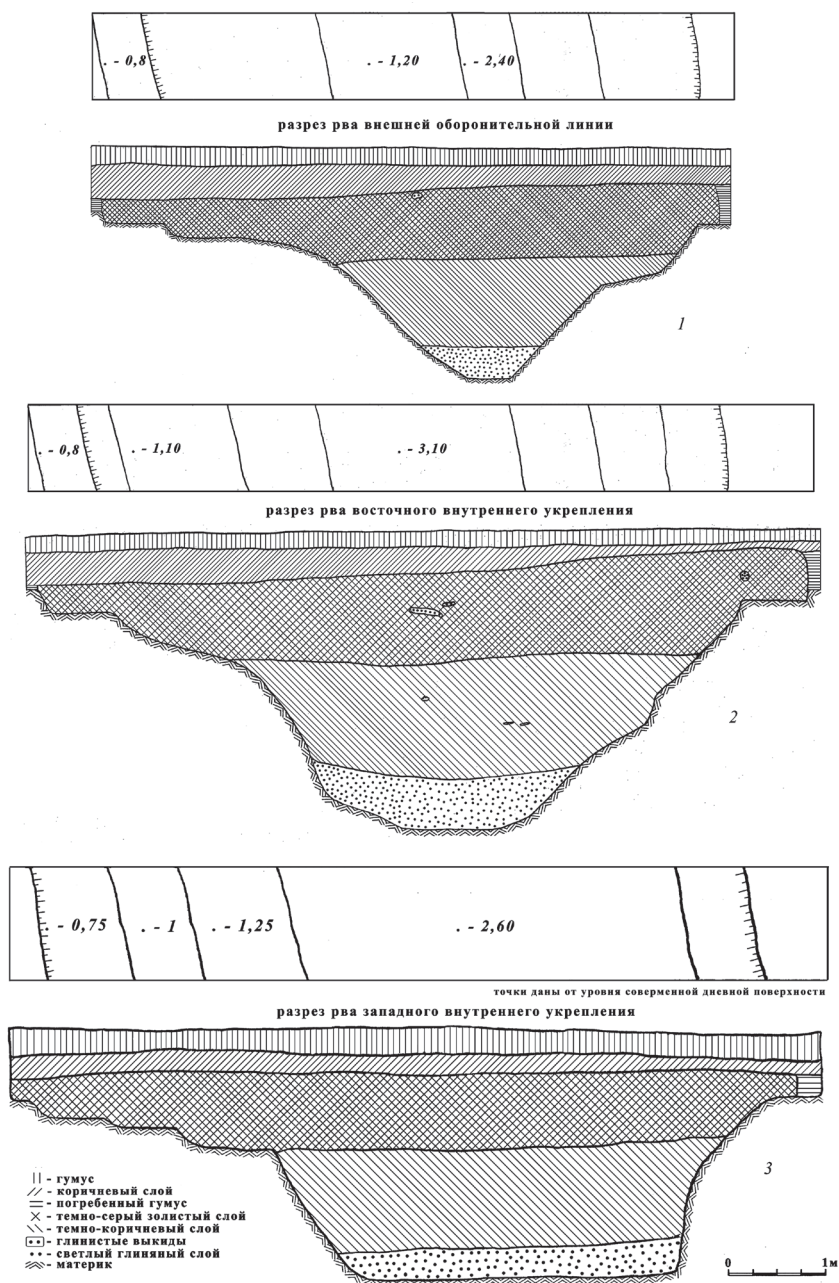

Рис. 2. Форма и стратиграфия оборонительных рвов

верху, от материкового края первого приступка — 7,60 м, непосредственно по краям бортов — 4,80 м, по дну — 3,30 м, глубина от уровня материка — 2,10 м. В его заполнении, в этой части укрепления, было обнаружено значительно меньше керамического материала, чем в предыдущем. Эта тенденция прослеживается и на поверхности этих объектов. Данный факт, в связи с наличием единичного укрепления в Дидовой Хате, наталкивает на определенные предположения относительно количества и передвижения подразделений, возводивших форты.

Разрез фортификации внешней оборонительной линии, возле главных крепостных ворот, показал что форма его рва не похожа ни на один из рвов внутренних укреплений. Ширина рва по верху — 5,30 м, по дну — 0,60 м, глубина от уровня материка — 1,80 м. С внутренней стороны, на глубине 0,70 м от уровня материка, ров имеет приступок шириной 0,80 м, с небольшим углом наклона (рис. 2: 1). В заполнении рва были обнаружены кости КРС и МРС и несколько фрагментов амфорных стенок.

Стратиграфия всех рвов одинаковая: гумус, коричневый слой, погребенный гумус, темно-серый золистый слой, темно-коричневый слой, светлый глиняный слой, материк. Валы укреплений сильно распаханы, но на поверхности еще виднеется их сохранившаяся высота — около 0,30 м. В разрезах фортификаций берма не прослеживается, а в заполнении рвов было найдено несколько обработанных каменных блоков, которые могут указывать существование крепид, предохранявших валы от оплывов. В траншее с разрезом рва восточного внутреннего укрепления и на поверхности распаханного внешнего вала было обнаружено несколько железных кованых гвоздей (рис. 1, 4–6), характерных для подобных укрепленных пунктов.

В ходе исследований была обнаружена медная монета хорошей сохранности типа Зевс/орел с монограммой ПА и надписью ΟΛΒΙΟ ΠΟΛΕΙΤΩΝ. За головой Зевса — копье (рис. 1: 3). По П. О. Карышковскому, данный экземпляр относится к третьей серии монет этого типа и может датироваться сер. 50-х гг. I ст. по Р. Х. [6, с. 14]. По В. А. Анохину, который отталкивается от так называемой ольвийской эры [7], датировка ее чекана абсолютна — 49–50 гг. [8, с. 63]. Опираясь в совокупности на мнение исследователей относительно датировки данных монет и фрагменты обнаруженных во рвах амфор, сооружение крепости можно с уверенностью датировать сер. I в. по Р. Х., в рамках конца 40 — начала 60-х гг., что совпадает с рядом важнейших исторических событий в Северном Причерноморье, в частности: римско-боспорской войной, участие в которой Ольвии довольно дискуссионное [1, с. 130; 5, с. 147], и деятельностью наместника провинции Нижняя Мезия Тиберия Плавтия Сильвана — его походом на осажденный скифами Херсонес «что за Борисфеном» [9].

Вероятно, вследствие данных исторических событий в данном регионе и являются контингенты римских войск, солдаты которых сооружают форты

и укрепляют границы Ольвийского государства, что могло послужить введением ольвийской эры. В связи с этим немалую информативную ценность имеет фрагмент декрета из-под Мангупа, в котором упоминается некий вспомогательный отряд (συνταχία) из провинции Мезия, который «наполнил нашу местность» и чье появление вдохновило ольвиополитов к действию [10, с. 166–168; 11, с. 306; 12, с. 217–218]. Учитывая датировку, происхождение и реконструкцию надписи декрета, с определенной долей вероятности можно предположить непосредственное отношение упоминаемого в нем отряда (вероятно, нижнемезийской auxilia)¹ к сооружению укреплений в Каменке и Дидовой Хате.

Исходя из планировки и площади, форт был рассчитан на 400–600 человек (cohors). Расположенный на возвышенном степном плато, возле 5-метрового кургана, на выгодной стратегической позиции — у переправы, и, видимо, на развилке дорог — он контролировал территорию на северо-западной границе Ольвийского государства, под основным валом, перекрывающим проход в глубину ольвийской хоры [1, с. 114], что в совокупности с комплексом городищ позволяет отнести формирование лимесной структуры укреплений вокруг Ольвии [14] к середине I в. н. э., изначально силами нижнемезийского вспомогательного отряда, присланного в помощь ольвиополитам в момент крайней необходимости, под внешним давлением определенных групп кочевых племен, до полноценного формирования союза между Ольвией, Римом и сарматами. Возможно, на территорию Ольвийского государства была отправлена одна из «фракийских» когорт [15, с. 39; 16], которые в I в. составляли основу вспомогательных войск в придунайском регионе.

Также, в случае появления данного укрепления именно вследствие похода Тиберия Плавтия Сильвана, представляется весьма вероятным, что центурион I Италийского легиона Марк Эмилий Луций Северин, известный из посвящения на обнаруженном в Ольвии алтаре [1, с. 132], мог быть командиром данной когорты, задачей которой стало возведение вокруг Ольвии оборонительной системы, что, вероятно, и было засвидетельствовано в соответствующей надписи I в. о гарантирующих ольвиям «вечную безопасность» сооружениях [1, с. 114].

Литература

1. Буйских С. В. Фортификация Ольвийского государства (первые века нашей эры). — К., 1991.
2. Шелов Д. Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // КСИА. — 1978. — Вып. 156.
3. Бураков А. В. Козырское городище рубежа и первых столетий нашей эры. — К., 1976.

¹ О тождественности греч. συνταχία лат. auxilia см. [13, с. 137].

4. Внуков С. Ю. Причерноморские амфоры I в. до н.э. — II в. н. э. (морфология). — М., 2003.
5. Крапивина В. В. Ольвия. Материальная культура I—IV вв. н. э. — К., 1993.
6. Карышковский П. О. Ольвия и Рим в I в. н. э. // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. — К., 1982.
7. Анохин В. А. К вопросу об ольвийской эре // Нумизматика и сфрагистика. — 1971. — № 4.
8. Анохин В. А. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. — К., 1989.
9. Зубар В. М. Про похід Плавтія Сільвана в Крим // Археологія. — 1988. — Вип. 63.
10. Виноградов Ю. Г. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н. э. // ВДИ. — 1994. — № 2.
11. Крыжицкий С. Д., Русяева А. С., Крапивина В. В., Лейпунская Н. А., Скржинская М. В., Анохин В. А. Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. — К., 1999.
12. Шукин М. Б. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н. э. — I в. н. э. в Восточной и Центральной Европе. — СПб., 1994.
13. Виноградов Ю. Г. Полемон, Херсонес и Рим // ВДИ. — 1992. — № 3.
14. Bujskikh S. B. Limes Olbiopolitanus // Limes. — Bologna, 1994.
15. Дьячков С. В., Кадеев В. И. Фракийцы в Северном Причерноморье в первых веках н. э. // Вісник Харківського державного університету. — № 385: Історія. — Вип. 28. — Х., 1994.
16. Кадеев В. И., Дьячков С. В. Римские гарнизоны Ольвии и Херсонеса в I—III вв. // Проблемы исследования Ольвии. Тез. докл. — Парутино, 1985.

